

Енгальчев В.Ф., Южанинова А.Л. О судебной психологической экспертизе морального вреда. // Российский психологический журнал. Т. 4, № 1. – М.: изд-е РПО, 2007. – С. 29-37.

О СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА

В.Ф. ЕНГАЛЫЧЕВ, А.Л. ЮЖАНИНОВА

Рассматриваются возможности судебной психологической экспертизы при рассмотрении судом дел о компенсации морального вреда. В качестве ее предмета выступает психологический аспект морального вреда. Дано описание процедуры ее проведения. Изложены и проанализированы различные точки зрения по названной проблеме.

Ключевые слова: моральный вред; судебная психологическая экспертиза; вред психике; предмет, компетенция и задачи судебной психологической экспертизы; степень нравственных страданий; причинно-следственная связь.

Институт компенсации морального вреда существует в российском законодательстве более десяти лет. Число рассматриваемых судами дел данной категории с каждым годом увеличивается. Вместе с тем средств доказывания обстоятельств, на которые стороны ссылаются как на обоснование своих требований, в ряде случаев бывает недостаточно. Для решения этой проблемы стали прибегать к назначению судебной психологической экспертизы (СПЭ).

Если за рубежом такие экспертизы проводятся давно, то для нашей страны это относительно новый вид экспертных исследований. В связи с «молодостью» данного направления ее теория, методология и методика находятся на стадии становления. На практике эксперты психологи опираются на разные теоретико-методологические положения, вырабатывают методику конкретного исследования исходя из своих представлений о его предмете и своих профессиональных возможностей, что приводит к формулированию спорных экспертных выводов по одним и тем же вопросам. Необходимость рассмотрения некоторых сложных вопросов, относящихся к предмету и процедуре СПЭ по делам о компенсации морального вреда, и определила собой цель настоящей работы.

Начало разработки научно-теоретических и методических основ данного вида СПЭ положили работы В.Ф. Енгальчева и С.С. Шипшина (1997) [2], В.В. Романова (1998) [6; с. 169-174], В.В. Нагаева (2000) [4; с. 239-252]. В это же время опубликованы результаты первых монографических исследований по данной теме А.Л. Южаниновой (2000) [19] и Е.Н. Холоповой (2003) [13]. В 2006 году А.Н. Калининой выполнено первое диссертационное исследование [3]. Проблемам судебной психологической и комплексных с нею экспертиз по делам о компенсации морального вреда посвящены статьи С.В. Утехина и А.Л. Южаниновой [11], Е.Н. Холоповой [12], [14], А.Н. Калининой [15], [16], [17], Ф.С. Сафуанова, Н.К. Харитоновой, Е.Г. Дозорцевой [8] и др. Поскольку изучаемая проблема носит междисциплинарный характер, в перечисленных работах рассматривались правовые, психологические, медицинские аспекты морального вреда и возможности его экспертных исследований.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» от 20 декабря 1994 г. № 10 дано следующее определение понятия морального вреда: «Под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т.п.), или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с Законом об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо нарушающими имущественные права гражданина» [Цит. по: 18; с. 223].

«Определение содержания морального вреда как страданий означает, что действия причинителя вреда обязательно должны найти отражение в сознании потерпевшего, вызвать определенную психическую реакцию. При этом неблагоприятные изменения в охраняемых законом благах отражаются в сознании человека в форме негативных ощущений (физические страдания) или

переживаний (нравственные страдания). Содержанием переживаний может являться страх, стыд или иное неблагоприятное в психологическом аспекте состояние. Очевидно, что любое неправомерное действие или бездействие может вызвать у потерпевшего нравственные страдания различной степени и лишить его полностью или частично психического благополучия» [18; с. 1].

В законе понятие «моральный вред» синонимично понятиям «физические и нравственные страдания». В русском языке понятие «страдание» означает физическую или нравственную боль, мучение, а слово «вред» — ущерб, порчу. Вредителем же называется «человек, с преступной целью наносящий вред ... тот, кто сознательно причиняет вред ...» [5; с. 798, 102]. Определение «нравственный» в данном контексте используется в общеупотребительном значении: «относящийся к сознанию, внутренней жизни человека» [5; с. 433]. Равно как и определение «моральный» применяется законодателем в значении «внутренний, душевный» [5; с. 374]. Таким образом, семантика понятий и терминов, используемых в законе, позволяет обозначить данную ситуацию человеческих взаимоотношений, регулируемых правом, как конфликтную, как защиту человека, испытывающего боль и мучения, которому нанесен «вред» психике в результате нарушения его законных прав.

Понятие «страдание» входит в категориальный аппарат психологии. Психологическим содержанием наполнены слова «моральный» и «нравственные», используемые для определения термина «моральный вред». Таким образом, понятия, органически входящие в нормы права, по своей семантике являются психологическими (т.е. специальными, неправовыми), отражают конкретные психические феномены, которые этими нормами учитываются. По мнению Т.В. Сахновой, подобные обстоятельства являются объективной предпосылкой для назначения судом экспертизы по делу [9; с. 7]. Это означает, что при судебном рассмотрении дел о компенсации морального вреда целесообразно использование специальных знаний из области психологии в форме СПЭ. Вместе с тем, в настоящее время судебная практика нередко все еще идет по пути привлечения житейских, обыденных

представлений вместо научных при выявлении обстоятельств, имеющих психологическую природу, что может приводить к принятию ошибочных судебных решений.

Обычно при судебном рассмотрении данной категории дел доказательством факта причинения морального вреда являются утверждения истца о переносимых им физических или нравственных страданиях. По мнению М.А. Эрделевского, заявление истца о том, что он претерпел физические или нравственные страдания, является прямым доказательством факта причинения морального вреда[18; с. 84]. Средствами доказывания переживаемых страданий могут быть также показания свидетелей, различные документы, медицинские справки, экспертные заключения.

Знания в области психологии позволяют отметить, что к описанию истцом своих страданий следует относиться как к гипотезе: оно может полностью соответствовать действительности, соответствовать частично или совершенно от нее отличаться. Именно поэтому в медицине сложилась традиция отдельно фиксировать жалобы больного и объективный медицинский диагноз. Конечно, оспорить утверждение человека о переживаемом им страдании трудно, поскольку переживания являются тем субъективным опытом, которым располагает только сам индивид. Вместе с тем современные методы психодиагностики позволяют определить особенности психических переживаний и объективировать субъективные высказывания о них истца.

Люди, которые явились свидетелями переживаний человека, могут лишь строить предположения о его психическом состоянии, т.к. они наблюдают внешние проявления эмоций, которые, как известно, лучше других эмоциональных компонентов поддаются сознательному контролю, а, следовательно, – не всегда однозначно соответствуют внутреннему состоянию. В этой связи назначение и проведение судебно-психологического экспертного обследования психического состояния потерпевшего позволяет получить информацию, которую бывает затруднительно извлечь иными способами. Признаки же сильных эмоциональных переживаний, психической травмы, о

которых свидетельствуют сам гражданин или его близкие, или лица, наблюдавшие за ним после причиненного ему вреда, могут рассматриваться, по мнению В.В. Романова, в качестве повода для назначения психологической экспертизы [6; с. 231]. Игнорирование судом возможностей СПЭ в ряде случаев может привести к тому, что при отправлении правосудия не в полной мере будут использоваться средства для установления обстоятельств, имеющих значение для принятия правильного решения по гражданскому делу.

Однако следует отметить, что в последнее время отношение практикующих юристов к СПЭ психологической составляющей морального вреда меняется. По данным А.Н. Калининой, 86,3% опрошенных калужских и калининградских адвокатов и судей считают, что судебно-психологическая экспертиза должна стать общепринятой при рассмотрении дел о компенсации морального вреда. Вместе с тем, как адвокаты (93,7%), так и судьи (78,9%) считают, что на принятие судебного решения о размере компенсации морального вреда существенно влияет интуитивное понимание судьями истинного положения дел между истцом и ответчиком [3]. Однако, по мнению Н. Толстикова, суд не является специалистом в вопросах определения степени физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред. В этой связи необходимо проведение судебно-психологической экспертизы. Передача этого вопроса на усмотрение суда, введение понятий разумности и справедливости дает широкий простор субъективному пониманию этих понятий судьей, а значит, и различному толкованию закона о его применении [10].

Природа морального вреда не ограничивается только психологическим компонентом. Установить степень физических и нравственных страданий могут только специалисты соответствующего профиля: психическое состояние человека определяется психологами, а для оценки психических или соматических патологических нарушений, наступивших в результате пережитых страданий, исходя из специфики конкретного дела, может стать целесообразным привлечение психиатров, невропатологов, терапевтов или

иных специалистов. В таких случаях суд может назначить проведение комплексных психолого-психиатрической, или медико-психологической, или медико-психолого-психиатрической экспертиз.

Юридическая и психологическая компетенции при оценке страданий, наступивших в результате причинения вреда, четко разделяются. Понятие «моральный вред» является правовой категорией. Согласно норме гражданского права (ст. 151 ГК РФ) при компенсации морального вреда судом учитывается вина причинителя, степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред.

На основании действующего законодательства и разъяснений Пленума Верховного Суда можно выделить следующие задачи, которые встают перед судом при рассмотрении дел о компенсации морального вреда:

1. Установить факт причинения гражданину морального вреда.
2. Если гражданину причинен моральный вред, определить степень его нравственных или физических страданий.
3. Выяснить связь степени нравственных или физических страданий с индивидуальными особенностями лица, которому причинен моральный вред.
4. Установить степень вины нарушителя.
5. Определить размеры компенсации морального вреда.

Судебно-психологическая экспертиза не занимается диагностикой морального вреда, а определяет лишь его психологический компонент. М.А. Алиэскеровым и В.Ф. Енгальчевым он назван причиненным личности психологическим ущербом [1], а А.Н. Калининой – психическим вредом [3]. Не устанавливает СПЭ и степень вины причинителя вреда, а также размер компенсации, подлежащей взысканию. Все эти вопросы входят в компетенцию суда. Правовая оценка морального вреда является исключительно прерогативой суда и устанавливается не только с помощью судебных психологических экспертиз, но и с помощью других доказательств, представленных сторонами по делу. Окончательное решение судом этого вопроса может быть вынесено с учетом всех имеющихся в деле доказательств.

В рамках гражданского процесса по делам о компенсации перед юристами и психологами стоит задача квалификации феномена «морального вреда» с помощью соответствующих средств, методов и категорий. Таким образом, возникает проблема рассмотрения одного и того же явления с разных сторон. Юриспруденция и юридическая психология оперируют разными категориальными аппаратами. Из этого вытекает, что при «переводе» понятия «моральный вред» с языка юриспруденции на язык психологии необходимо учитывать, что психология раскрывает свой аспект этого явления, не тождественный правовому. В этой связи одной из проблем, возникающих при назначении экспертизы, является качественный «перевод» правовой категории «моральный вред» и ее признаков на язык психологии, и, наоборот, при вынесении судебного решения необходимо адекватное правовое толкование результатов полученного экспертного психологического исследования.

В случае назначения судебно-психологической экспертизы по делу о компенсации морального вреда на ее разрешение не могут быть предложены вопросы правового характера. Круг основных вопросов, определяющих предмет и алгоритм СПЭ, очерчивается задачами, стоящими перед судом при рассмотрении данной категории дел, с одной стороны, и предметом науки психологии, – с другой. Таким образом, на разрешение экспертам психологам могут быть предложены следующие вопросы:

1. Испытывает ли истец страдания, субъективные переживания по поводу неправомерных действий ответчика и, если испытывает, то в чем это выражается?
2. Состоят ли в причинной связи страдания истца с действиями ответчика?
3. Если истец испытывает страдания, то какова их степень?
4. Имеются, а если имеются, то каковы индивидуально-психологические особенности истца, которые могли оказать существенное влияние на степень его субъективных переживаний?

Впервые в литературе необходимость решения этих ключевых задач при проведении СПЭ по делам о компенсации морального вреда была отмечена В.Ф. Енгальчевым и С.С. Шипшиным [2]. Все последующие работы подтвердили научную обоснованность первоначально предложенной предметной области данного вида экспертного психологического исследования. Это проявилось в том, что в дальнейшем в число задач, стоящих перед психологом при проведении судебной экспертизы, другие исследователи практически всегда стали включать такие, как установление степени страданий, причинной связи, индивидуальных и личностных особенностей подэкспертного.

Справедливо это и для комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз (КСППЭ). Так, Ф.С. Сафуанов и Т.Н. Секераж пишут, что «эксперты-психологи (в КСППЭ - совместно с экспертами-психиатрами) должны определить следующие обстоятельства (Ф.С. Сафуанов, Н.К. Харитоновна, Е.Г. Дозорцева и другие, 2005): психическое состояние подэкспертного (в том числе психического расстройства), индивидуально-психологические особенности подэкспертного, степень выраженности изменений психической деятельности, динамические особенности изменений психической деятельности (стойкость - обратимость, длительность), причинно следственная связь между причинением вреда (психотравмирующим воздействием) и возникновением и развитием психических изменений»[7].

Первые шаги при проведении СПЭ связаны с определением психоэмоционального состояния подэкспертного, наступившего после совершения правонарушения ответчиком. В результате психодиагностического обследования истца в его состоянии могут быть выявлены различные негативные переживания: страх, горе, стыд, беспокойство, унижение, уныние, тревога и др. Следующий этап исследования связан с установлением наличия (отсутствия) причинной связи между страданиями истца и противоправными действиями ответчика. Разными авторами предлагаются различные механизмы для ее экспертного определения.

В.Ф. Енгальчев и С.С. Шипшин считают, что для этого необходимо установленное психическое состояние, характеризующее подэкспертного после совершения ответчиком правонарушения, сравнить с ретроспективно определенным состоянием, бывшим у подэкспертного до совершения правонарушения. Обнаруженные перемены в эмоциональной сфере служат знаком причинной связи. Кроме того, переживание случившегося может приводить к негативным изменениям в деятельности и личности подэкспертного, изменить его отношение к жизни, снизить уровень социальной адаптации[2]. Негативные изменения могут касаться его жизнедеятельности, нарушить целостность и устойчивость его самосознания и психического функционирования, привести к ухудшению его психического или соматического благополучия [19; с. 77]. Психологу важно установить также вид травматического воздействия, к которому сенситивен истец. Если актуальный травмирующий опыт не соответствует чувствительности к такого рода травмам, то за сообщениями истца могут стоять плохо осознаваемые собственные личностные особенности или намерения в отношении ответчика и суда, носящие манипулятивный характер[19; с. 75]. На зависимость негативных переживаний от действий причинителя вреда указывает также поражение основных жизненных ценностей подэкспертного[2].

А.Н. Калинина считает, что причинно-следственная связь между правонарушением и негативными изменениями психической деятельности пострадавшего констатируется при наличии одновременно двух обязательных признаков: 1) факта временной связи изменений психической деятельности пострадавшего и ситуации причинения вреда, включая случаи отсроченной реакции на произошедшее травмирующее событие; 2) личностной значимости для пострадавшего нарушенного права и изменений, логически связанных с причинением морального вреда [3], [17].

Общего подхода к экспертному определению степени переживаемых страданий, наступивших в результате действий причинителя вреда, пока не выработано. Прежде всего это проявляется в выделении разными авторами

различных перечней необходимых и достаточных признаков для дифференциации разных уровней страданий. В.Ф. Енгальчев и С.С. Шипшин в качестве критериев называют глубину и интенсивность переживаний [2]. А.Л. Южанинова предлагает наряду с интенсивностью переживаний учитывать их длительность, прогноз последствий психотравмы (обратимость/необратимость вплоть до утраты физического или психического здоровья) и характер оказанного травмирующего воздействия (степень его объективной и субъективной значимости) [19]. А.Н. Калинина считает достаточным учет глубины и длительности изменений психической деятельности [3]. Ф.С. Сафуанов и Т.Н. Секераж выделяют степень выраженности изменений психической деятельности и динамические особенности изменений психической деятельности (стойкость-обратимость, длительность) [7].

Отсутствие единого подхода обнаруживается и в выборе дробности шкалы, измеряющей степень переживаемых страданий. На основании учета уровня интенсивности переживаний, их продолжительности и прогноза возможных последствий от пережитого в последующей жизни А.Л. Южанинова предложила выделять пять степеней страданий, наступивших в результате неправомерных действий причинителя морального вреда:

1. Эмоции низкой интенсивности, самоограничивающиеся по времени, не имеющие существенных последствий.
2. Эмоции умеренной интенсивности, самоограничивающиеся по времени, не имеющие существенных последствий.
3. Эмоции высокой интенсивности, самоограничивающиеся по времени, приводящие к временным нарушениям в психическом или физическом функционировании человека.
4. Эмоции высокой интенсивности, превосходящие по временным показателям уровень нормы, снижающие эффективность деятельности, временно нарушающие психофизиологическую или социально-психологическую адаптацию.

5. Сильное эмоциональное потрясение, приведшее к формам психической или психосоматической патологии (или прогноз «отставленного реагирования», высокая вероятность заболеваний в будущем) [19; с. 43].

А.Н. Калинина, взяв за основу такие характеристики, как глубина и длительность изменений психической деятельности, выделила четыре степени психического вреда: легкая, умеренная, тяжелая и особо тяжелая. Легкой степени психического вреда соответствуют кратковременные психические состояния неболезненного уровня, незначительные (неглубокие) изменения психической деятельности. Умеренная (средняя) степень характеризуется наличием непатологического состояния, значительных изменений психической деятельности на не менее двух уровнях реагирования (психический, физиологический, поведенческий, личностный), длительностью переживания или негативных изменений от одного до 6 месяцев. К тяжелой степени психического вреда относятся значительные изменения психического состояния, переходящего в пограничное, длительностью более 6 месяцев, но обратимые, а также такие непатологические состояния, как личностный кризис. К особо тяжким причисляются выраженные психические нарушения, в том числе хронические и необратимые изменения психической деятельности [3].

Среди индивидуальных особенностей лица, которому причинен моральный вред, во внимание могут приниматься его индивидуальная предрасположенность к установленному виду страданий, чувствительность к определенному типу травмирующих воздействий, а также особенности его интеллектуальной, эмоциональной, потребностно-мотивационной, коммуникативной, поведенческой сфер, объясняющие стиль его реагирования на действия причинителя вреда.

Обобщая все вышесказанное, можно отметить, что, несмотря на некоторые различия в понимании предмета и процедуры СПЭ морального вреда в его психологическом аспекте, принципиальных расхождений в позициях исследователей данной проблемы не обнаруживается. Формирование общих теоретических и методических положений, учитывающих все

имеющиеся к настоящему времени наработки, позволит практикующим психологам экспертам выполнять судебные экспертизы, отвечающие требованиям научной обоснованности. Это, в свою очередь, позволит судам чаще обращаться к психологам в целях получения экспертного определения нравственных страданий потерпевших как доказательства необходимости компенсации причиненного морального вреда и основы установления ее размера.

1. *Алиэскеров М.А., Енгальчев В. Ф.* Юридический психолог в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2004. № 3. С. 21 – 23.
2. *Енгальчев В.Ф., Шипшин С.С.* Судебно-психологическая экспертиза. Калуга – Обнинск – Москва, 1997. С. 156 – 159.
3. *Калинина А.Н.* Теоретические и методические основы судебной психологической экспертизы по делам о компенсации морального вреда. Автореф. дис. ... канд. юр. н. М., 2006.
4. *Нагаев В.В.* Основы судебно-психологической экспертизы. М., 2000.
5. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1993.
6. *Романов В.В.* Юридическая психология. М., 1998.
7. *Сафуанов Ф.С., Секераж Т.Н.* Судебные экспертизы с участием психолога в Российской Федерации: формы, виды, перспективы межведомственного взаимодействия // "Юридическая психология", 2006, № 1 // Справочная правовая система «КОНСУЛЬТАНТ».
8. *Сафуанов Ф.С., Харитоновна Н.К., Дозорцева Е.Г. и др.* Компетенция комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по делам о компенсации морального вреда // Практика судебно-психиатрической экспертизы: Сборник N 43. М., 2005. С. 337 – 347.
9. *Сахнова Т.В.* Судебная экспертиза. М., 2000.
10. *Толстикова Н.* Компенсация морального вреда. // Законность. 2006. № 11. // Справочная правовая система «КОНСУЛЬТАНТ»
11. *Утехин С.В., Южанинова А.Л.* К вопросу о назначении судебной психолого-медицинской экспертизы в делах по нанесению морального ущерба гражданам // Методы психологии. Ростов н/Д, 1997. Т. 3, вып. 1. С. 253-255.
12. *Холопова Е.Н.* Правовые основания назначения судебно-психологической экспертизы по факту причинения морального вреда // Право и жизнь. № 54. М., 2003. С. 51 – 57.
13. *Холопова Е.Н.* Правовые основы судебно-психологической экспертизы по факту морального вреда в уголовном судопроизводстве. Калининград, 2003.
14. *Холопова Е.Н.* Судебно-психологическая экспертиза как доказательство размера компенсации морального вреда в уголовном судопроизводстве // Право и жизнь. № 55. М., 2003. С. 161 – 168.
15. *Цветкова (Калинина) А.Н.* Практика судебных решений по делам о моральном вреде и психологическая экспертиза // Бюллетень Управления Судебного департамента Калужской области, выпуск № 1–2, 2001. С. 122–126.
16. *Цветкова (Калинина) А.Н.* Проблема морального вреда в представлении судей и адвокатов // Бюллетень Управления Судебного департамента Калужской области, выпуск № 3– 4, 2001. С. 100–104.
17. *Цветкова (Калинина) А.Н.* Установление связи действий причинителя вреда и страданий потерпевшего // Ежегодник Российского психологического общества:

Материалы III Всероссийского съезда психологов. 25–28 июня 2003 года, Т. 8 – СПб: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2003. С. 229–232.

18. *Эрделевский А.М.* Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики. М., 1999.
19. *Южанинова А.Л.* Судебно-психологическая экспертиза по делам о компенсации морального вреда. Саратов, 2000.